

Amispe

Кикки Влеерне

Кикки Влеерне

Amisspe

«Автор»

2026

Влеерне К.

Аmisspe / К. Влеерне — «Автор», 2026

Онскава — чужой на одиноком острове. Когда древнее зло похищает его мать, презираемый всеми мальчик спускается в заброшенный подземный мир. Тьма испытывает его на прочность, но неожиданная подруга даёт надежду. Впереди — финальная битва и единственный выбор.

© Влеерне К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В далёкие времена...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кикки Влеерне Amisspe

В далёкие времена...

Дальний остров в этих краях носил странное имя — Глём. Говорили, что когда-то он был иным, но старое название кануло в безвестность вместе с теми, кто его помнил. Теперь же он был просто Глём — клочком земли на краю мира, где редкий корабль причаливал к берегу.

По его каменистой окраине, где высокие склоны холмов переходили в отвесные скалы над подземным морем песков, вилась узкая тропа. Протопанная за долгие годы, она то взбиралась меж серых валунов, то спускалась в ложбины, заросшие жёстким вереском. По ней, пошатываясь от усталости, брел русоволосый мальчик в выцветшей зеленоватой рубахе, перехваченной на поясе сумкой на верёвке. Звали его Онскава — имя редкое и звучное, совсем не похожее на простые прозвания местных жителей.

Поздний вечер опускался на остров. Солнце уже село за край моря, оставив после себя лишь тусклую медную полосу на горизонте. Ветер с запада усилился, неся запах соли, мокрого камня и далёких штормов. Онскава возвращался домой из деревни — единственного на острове людского поселения, что ютилось в низине меж двух холмов, в полудне пути от его жилища. Дорога туда и обратно отнимала почти весь день, и ноги гудели от ходьбы.

Наконец мальчик остановился у придорожного валуна, плоского и широкого, словно сиденье, приготовленное самой природой. Присев, он с облегчением вздохнул и развязал тряпичный узелок, что нес за пазухой. В нём лежала небольшая ячменная лепёшка с варёными окуньками — ещё тёплая, пахнущая дымом очага. Это была плата за его труды. Откусывая понемногу и прислушиваясь к вечерней тишине, Онскава невольно вспоминал то, что случилось сегодня в деревне.

* * *

Утром он отправился туда, неся за пазухой склянку с целебным снадобьем — настойкой на горьких корнях и травах, которую готовила его мама. Она была известна в этих краях как знахарка, и к ней обращались, когда хвори не поддавались обычному лечению. Придя в деревню, Онскава остановился перед домом к которому он направлялся. На первый взгляд он ничем не отличался от прочих: невысокий, с деревянной крышей, поросшей мхом, с покосившейся дверью из грубо сколоченных досок. Но едва мальчик переступил порог, он понял — здесь что-то неладно.

— Здравствуйте, милсдарь Вальхорн, — низко поклонившись, произнёс Онскава, едва переступив порог.

В полутьме дома, пропахшего дымом, болезнью и чем-то горьким, стоял высокий мужчина с седеющей бородой и тяжёлым, словно каменным, взглядом. Когда-то он был воином — об этом говорили шрамы на его лице и руках, грубая выправка, привычка держать спину прямо даже здесь, в собственном доме, где не было врагов.

— Здравствуй, мальчик, — отозвался тот с явным пренебрежением в голосе, не поднимая глаз. — Что ты забыл в нашем пристанище?

Он скрестил на груди загрубевшие руки, покрытые многолетними шрамами и старыми ранами — следами сражений, что давно отгремели. Его челюсти были сжаты, и Онскава видел, как в уголках рта дрожит злость, едва сдерживаемая.

— Я принёс вам лекарства, — торопливо начал мальчик, стаскивая с плеч холщовую сумку. Пальцы его дрожали — не от страха, но от волнения. Он достал две склянки, запечатанные воском, и протянул их Вальхорну. — Они помогут вылечить её от заразы.

Онскава кивнул в сторону соседней комнаты, откуда доносилось тяжёлое, прерывистое дыхание. Там, на узкой постели, застланной грубой шерстью, лежала девочка возраста Онскавы — бледная, с запавшими глазами, с влажными от пота волосами, прилипшими ко лбу.

— Пусть она пьёт их по одному глотку утром и вечером, — продолжил Онскава, стараясь говорить спокойно и уверенно, как учила его мать. — И...

— Мне не нужны твои бутылки, — резко оборвал его Вальхорн.

Его голос прозвучал глухо, почти беззвучно, но в нём слышалась такая боль, что Онскава замер на месте.

— Но моя мать хочет помочь вам в вашем горе! — выпалил мальчик, не в силах сдержаться. — Она знает, как лечить эту болезнь! Если вы не дадите Ей снадобья, она...

Он осёкся. Вальхорн смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом — взглядом человека, который уже потерял слишком много.

— Нам не нужны твои чёртовы бутылки! — внезапно взорвался Вальхорн, и голос его, прежде глухой и сдавленный, наполнился яростью. — Подачки твоей проклятой матери! Ты принёс мне эти яды и думаешь, что я приму их? Что позволю влить это... это варево в горло моей дочери?!

Он шагнул вперёд, нависая над мальчиком всей своей грузной фигурой. В полумраке избы его лицо казалось искажённым, почти звериным.

— Но ведь я хочу... — начал было Онскава, пытаясь совладать с дрожью в голосе.

— Да знаю я, чего ты хочешь! — не дал ему договорить Вальхорн, и теперь он уже кричал во весь голос, так что где-то в углу дома тревожно зашуршала мышь, а из соседней комнаты

донёлся слабый стон. — Ты хочешь не вылечить её этой мерзостью, а добить! Убить этой хворью, ХВОРЬЮ, в которой, между прочим, виноват ТЫ! Ты и твоя ведьма-мать!

Вальхорн дышал тяжело, словно после долгого бега. Кулаки его были сжаты так, что костяшки побелели. Лицо налилось кровью. Онскава видел в его глазах не просто гнев — там была настоящая ненависть, вскормленная горем и бессилием.

— Я... — Мальчик попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

— У тебя глаза дьявола! — прорычал Вальхорн, наклоняясь ещё ниже и глядя прямо в лицо Онскаве.

Онскава отступил на шаг, прижимая склянки к груди. Сердце его колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется наружу. Но он не опустил глаз. Не побежал. Вместо этого он сглотнул и произнёс — тихо, но твёрдо:

— Она дорога мне. И я хочу вылечить её.

Эти слова прозвучали в тишине, словно удар колокола. Вальхорн замер. Что-то мелькнуло в его глазах — удивление? недоверие? — но тут же погасло, уступив место прежней злобе.

— Ты одурманил мою дочь! — Вальхорн схватил Онскаву за ворот рубахи и рывком притянул к себе. Его лицо было в нескольких вершках от лица мальчика, и Онскава чувствовал его горячее, тяжёлое дыхание, пропитанное горечью и чем-то спиртным. — Увёл её в лес! В тот лес, где бродят призраки и гниют болота! Ты заразил её этой... этой мерзкой хворью, что сейчас пожирает её изнутри!

Пальцы его впились в ткань так, что костяшки побелели. Онскава попытался отстраниться, но хватка была железной.

— Она была здорова! — продолжал Вальхорн, и голос его дрожал от ярости и боли. — Совсем здорова, понимаешь?! Румяная, весёлая, бегала по двору, пела песни! А потом пришла домой вся в грязи, с лихорадкой, бредила по ночам! И всё из-за тебя!

Голос его сорвался. В углах глаз блеснула влага — быстрая, почти незаметная, но Онскава увидел. И понял.

Это не просто гнев. Это отчаяние человека, который боится потерять последнее, что у него осталось.

— Я как солтыс нашей деревни, — голос Вальхорна прозвучал твёрдо и холодно, словно удар молота по наковальне, — запрещаю тебе впредь появляться в нашем поселении. Ступишь хоть на шаг за последнюю изгородь — прирежу как последнюю свинью!

Онскава не стал ждать продолжения.

Развернувшись, он бросился прочь из дома, едва не зацепившись за порог. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвётся. Ноги сами несли его — мимо покосившихся изгородей, мимо кузницы, мимо домов, из окон которых уже высовывались любопытные и недоброжелательные лица.

— Это он! — раздался чей-то крик позади. — Этот мальчишка заразил дочь солтыса!

— Ведьмин отродок!

Онскава обернулся на бегу — и похолодел. Из-за угла дома выскочили несколько мужчин и подростков. Один поднял с земли камень. Другой схватил палку.

— Гони его! Прочь из деревни!

Первый камень просвистел мимо уха мальчика и со стуком отскочил от забора. Второй ударил в спину — не сильно, но больно. Онскава задохнулся от страха и рванул вперёд изо всех сил.

Дорога петляла меж домов, спускалась к мосту через ручей, поднималась обратно. Земля под ногами была скользкой после недавнего дождя. Где-то впереди раздался звон колокольчика и грубый окрик:

— С дороги, малой!

Онскава вскинул голову — и замер в ужасе.

Прямо на него, на полной скорости, неслась телега, запряжённая крупной гнедой лошадью. Возница — краснолицый мужик в грязной безрукавке — дёргал вожжи, но кобыла, испуганная криками толпы, мчалась во весь опор. На телеге громоздилась гора кочанов капусты, едва удерживаемая верёвками.

Мальчик попытался увернуться, но ноги подкосились. Он едва успел перебежать, как споткнулся о переднюю ногу лошади — та шарахнулась с испуганным ржанием — и рухнул плашмя на землю.

Грязь, размокшая и холодная, хлюпнула под ним. В ту же секунду сверху с громким стуком посыпались кочаны капусты — верёвка на телеге лопнула, и весь груз обрушился на дорогу. Один кочан ударил Онскаву по плечу, другой покатился к голове. Мальчик задыхался, пытаясь выбраться из-под зелёной кучи, руки скользили по мокрым листьям.

— Ведьмёныш! — крикнул кто-то из преследователей, и новый камень шлёпнулся в грязь рядом с его рукой.

С трудом поднявшись на ноги, весь перепачканный, с саднящим плечом и разбитым коленом, Онскава оглянулся. Толпа деревенских жителей — человек десять, не меньше — неслась к нему. Кто-то размахивал вилами. Кто-то — граблями. На лицах читалась ярость, страх, ненависть.

Не раздумывая, мальчик рванул прочь — прочь из деревни, в сторону холмов, туда, где начиналась дикая земля.

Ноги едва держали его. Дыхание обжигало горло. Сумка с склянками больно билась о бок. Но он бежал, бежал, не оглядываясь, пока деревня не скрылась за поворотом дороги.

Лишь отбежав достаточно далеко, Онскава позволил себе остановиться и обернуться.

Погони больше не было. Деревенские, видимо, решили, что прогнали его достаточно далеко, и вернулись восвояси. Только ветер доносил их далёкие голоса, смешанные с лаем собак.

Мальчик тяжело дышал, опираясь руками о колени. Сердце стучало так, что казалось — его слышно на весь остров. Слёзы жгли глаза, но он не плакал. Не сейчас.

* * *

Выпрямившись, мальчик огляделся.

Перед ним, на возвышении высокого холма, раскинулся большой тёмный лес. Его опутывало густое одеяло серого тумана, медленно ползущего меж стволов, словно живое существо. Это был древний лес — тот самый, через который пролегала дорога к его дому.

Лес поражал величием. Гигантские деревья, чьи кроны терялись в небе, помнили ещё времена древних Асов — так, по крайней мере, говорили легенды из маминых книг. Их корни уходили глубоко в землю, а стволы были так широки, что трое взрослых мужчин не смогли бы обхватить их, взявшись за руки.

Но при всей своей красоте лес внушал страх. Его мрачная аура, тяжёлая и давящая, отпугивала путников. Говорили, что когда-то, в незапамятные времена, здесь произошло великое сражение — меж людьми и чем-то иным. И до сих пор земля помнила кровь, пролитую на ней.

В самом центре леса, в глубокой низине, стоял старый заброшенный колодец. Никто не знал, кто его вырыл и зачем. Никто не осмеливался заглянуть в его тёмную глубину. Говорили, что оттуда иногда слышны голоса. Говорили, что любой кто взглянет в глубины его вод лишается разума от увиденного. Говорили многое — но никто не проверял.

Онскава знал этот лес. Он ходил здесь с матерью за травами, учился различать следы немногочисленных для этой местности зверей, которые некоторое время назад убежали из него, слушал шёпот ветра в ветвях. Лес не пугал его.

Но сейчас, стоя на краю, весь избитый, измученный, с грузом вины и стыда на душе, мальчик вдруг почувствовал, как что-то изменилось. Лес молчал. Слишком тихо. Словно ждал его.

Онскава подошёл к кромке леса и замер, вглядываясь в серую пелену тумана, что клубилась меж древних стволов. Рука его потянулась к поясу, где висел небольшой масляный фонарь — в последнее время ставший необходимым для таких переходов предметом. Чиркнув огнём, мальчик зажёл фитиль. Слабый жёлтый свет вспыхнул, едва пробивая окружающий мрак, но хоть какая-то надежда появилась.

Переступив невидимую границу, Онскава вошёл в лес и лес сомкнулся за его спиной, словно живое существо, проглотившее добычу. Туман был настолько густым, что в нескольких шагах впереди уже ничего не было видно. Мальчик шёл почти вслепую, ориентируясь лишь на слабые очертания деревьев и едва различимые корни под ногами. Каждый шаг таил в себе неизвестность — яму, корягу, камень, а может, и нечто худшее.

Но страшнее всего были звуки.

Серый туман, клубясь и шевелясь, словно нашёптывал что-то. Ветер доносил странное эхо — не просто шум листвы, но нечто иное, древнее и мучительное. Онскава слышал их всё отчётливее: крики. Стоны. Звон оружия. Словно где-то рядом, сквозь пелену столетий, до сих пор бушевала та самая битва, что превратила этот лес в пристанище неуспокоившихся душ.

Лязг мечей. Рёв ярости. Хрип умирающих. Это были голоса воинов, что пали здесь в незапамятные времена — людей, чья тревога, чья боль, чья ярость не нашли покоя даже в смерти. Они остались здесь навсегда, вплетённые в землю, и их страдания эхом отзывались в тумане.

— Помогите... — донеслось откуда-то справа, тонко и протяжно.

Онскава вздрогнул и остановился, сжимая рукоять фонаря до боли в пальцах.

— Пощады... — прошептал другой голос, совсем близко, словно кто-то стоял за его спиной и дышал ему в затылок.

Мальчик резко обернулся — но там была лишь пустота и клубящийся туман.

А голоса не умолкали. Они росли, множились, наслаивались друг на друга — мольбы, проклятия, предсмертные вопли.

— Беги! — вдруг прорезал тишину истошный крик, такой близкий и отчётливый, что Онскава невольно отшатнулся. — Беги, пока можешь! Спасайся!

— Вы страдаете... — прошептал мальчик, едва ворочая языком. Горло пересохло, сердце билось где-то в горле.

Эхо подхватило его слова, повторило, исказило, разнесло по лесу. И теперь ему казалось, что за каждым деревом, за каждым кустом притаился враг, готовый наброситься в любую секунду.

Онскава ускорил шаг, почти бегом пробираясь сквозь туман, стараясь не думать о том, что слышит. Это не настоящее. Это только эхо. Только тени прошлого.

Вдруг впереди, в кустах, что-то зашуршало. Мальчик застыл, вытянув фонарь вперёд. Свет дрожал в его руке. Шорох повторился — тихий, осторожный, словно кто-то крался меж ветвей, выбирая момент для атаки. И тут из тумана, медленно, словно всплывая из глубины тёмного омута, появились два больших зелёных круга. Они светились тусклым, болезненным светом и смотрели прямо на Онскаву. Не мигая. Не двигаясь. Просто смотрели.

— Иди ко мне, — произнёс низкий, хриплый голос, идущий откуда-то из-за этих кругов. В нём слышалась насмешка, голод, что-то хищное и древнее.

Онскава отступил на шаг назад, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

— Кто ты? — выдавил он, и голос его прозвучал тонко, по-детски, испуганно.

— Я пришёл за тобой, — ответил голос, и в нём слышалась такая уверенность, такое спокойствие, словно исход был предрешён.

Мальчик начал медленно пятиться, надеясь, что позади дорога свободна, что он успеет развернуться и бежать. Но зелёные круги увеличивались, приближались, вылезая из кустов. Вместе с ними из тёмной листвы высунулось нечто костлявое — длинный, изогнутый отросток, смахивающий на морду. По краям его виднелись бордовые ошмётки плоти, словно кожа давно сгнила, оставив лишь кости, сухожилия и гниющее мясо. Морда продолжала выползать из тумана. Два огненно-красных огонька вспыхнули на месте глаз — яркие, как угли в кузнечном горне. А ниже раскрылась пасть, полная длинных, кривых клыков, меж которых сочилась зелёная, вязкая слюна, капающая на землю и шипящая, словно кислота.

Это был не дикий зверь. Это было нечто — порождение кошмара, непохожее на осколок той древней войны, что не нашёл покоя и теперь как будто бродил по лесу в поисках живых душ. Ранее перемещаясь по лесу, с таким существом мальчик не встречался.

Онскава развернулся и побежал. Ветви хлестали по лицу. Корни цеплялись за ноги. Фонарь бешено мотался в руке, бросая прыгающие тени на деревья, превращая лес в лабиринт кошмара. Мальчик мчался сквозь туман, не разбирая дороги, слыша за спиной грузное дыхание, топот лап, хруст веток.

Тварь была быстрее. Намного быстрее. Она видела его даже сквозь густую пелену тумана, даже меж переплетённых ветвей. Словно чуяла не глазами, но чем-то иным — страхом, что исходил от мальчика волнами. Онскава петлял меж деревьев, пытаясь запутать след, но зверь не отставал. Дыхание его было всё ближе — горячее, вонючее, пропитанное гнилью и смертью. Вдруг перед мальчиком возникла огромная коряга, покрытая чёрным мхом, скользким и мокрым от вечной сырости. Он попытался перепрыгнуть её, но нога соскользнула на влажном склоне.

— А-а-а! — крикнул Онскава, теряя равновесие.

Он покатился вниз по склону, ударяясь о камни и корни, и с грохотом свалился в небольшую ложбину прямо под корягой. Фонарь выпал из рук и покатился в сторону, его свет замерцал и погас, оставив мальчика в кромешной тьме. Онскава замер, задыхаясь от боли и страха. Над головой нависала коряга — огромная, древняя, источенная временем. Под ней образовалась небольшая пещерка, едва достаточная, чтобы спрятаться.

Мальчик втиснулся в неё, прижимаясь спиной к холодной, мокрой земле, и замер, не смея дышать.

Но сверху раздался звук - тяжёлый, мерный, шаги лап. Тварь подошла к коряге. Онскава слышал её дыхание — прерывистое, хриплое, словно воздух проходил сквозь прогнившие лёгкие. Слышал, как когти скребут по земле. Слышал, как что-то мокрое капает на мох — слюна. Демонический пёс медленно обходил корягу, принохиваясь, царапая землю когтями. Он искал. Он знал, что добыча где-то рядом. Онскава зажал рот ладонью, пытаясь сдержать дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно снаружи. Тварь остановилась прямо над пещеркой.

Онскава, не выдержав, попытался осторожно отползти чуть глубже — и наступил на сухую ветку. Треск разнёсся по лесу, словно удар грома.

Пёс насторожился и зашипел — низко, утробно:

— Где же ты, маленький змеёныш?

Онскава от ужаса сжался в клубочек, обхватив колени руками. Слезы жгли глаза, но он не плакал — просто шептал, снова и снова, как молитву:

— Мать, приди! Мама, спаси меня! Пожалуйста... пожалуйста...

Тварь поднесла свой огромный костлявый нос ко входу в пещерку, и Онскава увидел красное зарево глаз, что смотрело прямо на него.

И в этот момент лес пронзил громкий, яростный женский крик. Пёс резко обернулся, зарычал — и через мгновение раздался оглушительный взрыв. Дерево где-то рядом треснуло и рухнуло с грохотом. Послышался собачий лай, полный ярости и боли, и снова тот же ужасающий женский крик — но теперь в нём была не ярость, а боль.

Онскава вскрикнул и выполз из укрытия. Перед ним, в нескольких шагах, на земле лежал чёрный пёс — огромный, костлявый, без сознания, с дымящейся раной на боку. А рядом, присев на колени и прижимая левую руку к животу, стояла женщина. Светлые волосы, длинные и распущенные. Длинный плащ цвета морской растительности, изодранный и запачканный кровью. Лицо бледное, губы сжаты от боли.

— Мама! Мамочка! — закричал Онскава радостным, иступлённым визгом и бросился к ней.

Женщина, увидев сына, попыталась приподняться, скрывая боль, и на лице её появилась слабая, грустная улыбка.

— Сыночек... Ты жив! Как же я рада... — голос её дрожал. — Голубой флакон в моей сумке. Скорее!

Онскава метнулся к упавшей рядом холщовой сумке, перерыл её дрожащими руками и выхватил маленький голубой флакон, запечатанный воском. Мать выхватила его, сорвала пробку и залпом выпила содержимое. Почти сразу дрожь в её руках утихла. Кровь, сочившаяся из раны на животе, застыла, перестала течь. Мать, хоть и с трудом, но смогла подняться на ноги.

— Солнышко моё! — прошептала она, и Онскава бросился к ней, обнял, уткнувшись лицом в плащ, не сдерживая слёз радости и облегчения.

— Этот пёс тебя поранил, — всхлипнул он.

— Мне уже не больно, — успокоила его мать, хотя голос её был слаб. Она погладила сына по голове, а потом, отстранившись, посмотрела ему в глаза с необычайной серьёзностью. — А теперь послушай меня, пожалуйста. Внимательно.

— Да, мама.

— Как ты знаешь, в этом лесу находится старый колодец.

— Да, я знаю.

— Так вот, — мать сглотнула, и в глазах её мелькнул страх, — на дне этого колодца таится злое нечто. Древнее. Голодное. Оно стремится вырваться в наш мир... и оно уже близко. Вот почему этот пёс явился. Он — лишь предвестник.

— Что нам теперь делать? — исполненный испуга спросил Онскава, хватаясь за руку матери.

— Уходим, сыночек! Как можно скорее идём домой! — Мать попыталась шагнуть, но пошатнулась.

— Я помогу идти, — быстро сказал мальчик, подставляя плечо.

— Не стоит... У меня всё хорошо... — крепко ухватившись за длинную палку, что валялась рядом, мать попыталась идти сама.

Но не прошла и нескольких шагов, как ноги её подкосились, и она упала.

— Мама! — Онскава подхватил её за плечи, не дав удариться о землю. — Пожалуйста, опирайся на меня!

Мать, наконец, кивнула, и они медленно, очень медленно двинулись к краю леса. Онскава поддерживал её, чувствуя, как дрожит её тело, как тяжело даётся ей каждый шаг.

Позади, во тьме, что-то зашевелилось.

Но мальчик не оглядывался. Он просто шёл. Вперёд. К свету. К дому.

Громкий голос — грозный, древний, полный злобы — понёсся по лесу, как набат. Деревья задрожали, их ветви закрипели, словно в ответ на зов. Ветер поднялся внезапно, холодный и ненастный, разнося по чаще волны тревоги. Это был предвестник. Предвестник чего-то ужасного.

Онскава и его мать, ещё не успевшие выйти из леса, замерли, услышав этот шум. Он нёсся по лесу, словно живой, и в нём чудилось не просто рычание или вой — но призывание. Зов, обращённый к кому-то.

— Мама, что это было? — испуганно спросил мальчик, вцепляясь в её руку.

Мать стояла неподвижно, глядя в глубину леса. Лицо её побледнело. Губы дрожали. Она знала. Она понимала, что означает этот зов.

— Послушай меня, сыночек, — наконец произнесла она, опускаясь на колени перед Онскавой и глядя ему прямо в глаза. — Отправляйся сейчас же домой. Немедленно. И зажги перед дверью огонь Анабу.

— Я не знаю про этот огонь, — растерянно ответил мальчик. — Как мне его зажечь?

— Слушай внимательно, — мать говорила быстро, сжимая его плечи. — Смешай ветки жизненника с цветками синей вербены и китовым жиром. Всё это есть дома, в большом сундуке у очага. Смешай и зажги перед дверью. Огонь должен гореть до рассвета. Когда ты это сделаешь, запри дом на все засовы и выпей «Сон души». Флакон с ним стоит на верхней полке. И до восхода солнца — слышишь? — до восхода не выходи наружу! Это опасно!

— Но... — Онскава почувствовал, как горло сжимается от страха. — Куда ты?!

Мать отвела взгляд, и в её глазах блеснули слёзы.

— Мне надо идти на этот зов, Онскава, — сказала она с горечью, и голос её дрожал. — Я должна. Я не могу не пойти. Но когда взойдёт солнце, я вернусь к тебе. Обещаю.

— Не оставляй меня! — У мальчика по щекам покатались слёзы. Он бросился к матери, прижался к ней, осознавая всем своим существом, что это, возможно, их последняя встреча. — Пожалуйста, не уходи!

Мать обняла его крепче, так крепко, что он почувствовал, как бьётся её сердце. Слёзы текли и по её лицу, капая на волосы сына.

— Моё любимое солнышко, — прошептала она, целуя его в макушку. — Я всегда буду с тобой. Всегда буду любить тебя. Даже если смертельная опасность закует тебя во мглу безнадежности и отчаяния, знай — моя любовь защитит тебя и укажет верный путь. Всегда.

Он скава почувствовал, как материнская любовь и нежность оставила перед печальной разлукой бесценный подарок в виде грустного, но такого горячего поцелуя.

— Беги, — сказала она. — Беги и не оглядывайся.

И Он скава побежал.

Дом встретил его темнотой и тишиной. Мальчик ворвался внутрь, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Слёзы всё ещё текли по щекам, но он вытер их рукавом и заставил себя двигаться.

Он метнулся к большому дубовому сундуку у очага, распахнул крышку и начал перебирать содержимое. Связки трав, склянки с маслами, мешочки с порошками — всё было здесь, всё, чем занималась его мать, готовя снадобья для жителей деревни.

Вот ветки жизненника — сухие, узловатые, пахнущие мёдом и горечью. Вот пучок синей вербены, цветы которой даже в сушёном виде сохраняли небесный оттенок. Вот глиняный горшочек с китовым жиром, густым и бледным.

Он скава смешал всё в старой медной чаше — осторожно, не торопясь. Потом вынес чашу наружу и поставил прямо перед порогом. Чиркнул огнивом и пламя вспыхнуло — но не обычное, красное или жёлтое. Оно было бирюзовым, холодным и ярким, словно кусочек неба, пойманный в огонь. Оно горело ровно, не мерцая, и от него исходил странный запах — свежий, чистый, отпугивающий тьму.

Мальчик вернулся в дом, запер дверь на все засовы — деревянный брус, железную цепь, крюк. Окна задёрнул плотными шторами. Потом забрался на верхнюю полку и нашёл малень-

кий чёрный флакон с надписью, выцарапанной на стекле: «Сон души». Мать всегда запрещала ему прикасаться к этому зелью. Говорила, что оно опасно. Что его пьют только в крайнем случае. Но сейчас был именно такой случай. Онскава расстелил на полу шерстяную кровать — ту самую, на которой спала мать. Лёг, накрылся одеялом и открыл флакон. Запах зелья был странным — сладковатым, дурмящим, вызывающим ощущение, будто ты не спал несколько дней и вот-вот провалишься в забытьё. Мальчик поднёс флакон к губам и выпил.

Вкус оказался неожиданным — сладким, почти как мёд с травами. Онскава удивлённо поднял брови, но не успел ничего подумать, как веки его отяжелели, и мир поплыл. Он закрыл глаза и провалился в тёмную бездну.

* * *

Беспробудная тьма, густая и давящая, окружала его со всех сторон. Но рядом с Онскавой, у его ног, лежал факел — горящий ровным пламенем, дающий слабый свет. Мальчик поднял его и огляделся.

Он стоял в каком-то коридоре. Стены были неровными, словно высеченными из камня. Где-то вдали капала вода — мерно, монотонно.

— Что это за место? — прошептал Онскава, и голос его эхом отразился от стен.

Он двинулся вперёд, держа факел перед собой. Шаги его гулко отдавались в тишине. Вдруг под ногой что-то хрустнуло. Мальчик остановился и опустил взгляд. То, на что он наступил, было больше похоже на палку — только твёрдую, бледную, с красными и грязными пятнами. Сердце его ёкнуло. Это была кость. Холодный пот выступил на лбу. Онскава отшатнулся и ускорил шаг, почти побежал, стараясь уйти как можно дальше от этого места.

Но тут откуда-то издалека донеслась музыка. Пугающая, но невероятно печальная. Словно кто-то играл на скандинавской лире, и каждая нота была пропитана горем.

— Что происходит? — прошептал мальчик, но никто не ответил.

Он шёл дальше, и музыка нарастала, становилась громче, тяжелее, давила на грудь. Вдруг он наступил на что-то жидкое. Сначала он подумал, что это вода. Но когда поднёс факел ближе, увидел цвет. Красный.

Онскава задохнулся от ужаса, но заставил себя идти дальше. Пятнадцать шагов. Двадцать. И тут он увидел её.

Женщина в оборванном платье, с голубым шарфом на шее, стояла впереди, опустив голову. Она была худой, почти истощённой. Волосы спутаны. Руки безжизненно висели вдоль тела.

Дрожь охватила мальчика. Но он не мог остановиться. Словно что-то тянуло его вперёд. Он подошёл ближе. Протянул руку. Поднял её голову. И замер.

Лицо было покусанным, изуродованным. Но глаза — светло-голубые, знакомые — смотрели на него с выражением испуга и боли. Это была его мать.

— Нет! — закричал Онскава и отпрыгнул, роняя факел.

Женщина медленно, с усилием подняла голову сама. Кровь текла из её рта. Она смотрела на сына своими голубыми глазами, полными страдания.

— Зачем... ты... это... сделал? — прохрипела она, захлёбываясь кровью.

— Мама... я не хотел! Я не хотел этого делать! — Онскава рыдал, пятясь назад.

Мать встала. С костяным скрипом повернула голову — слишком далеко, неестественно. И тут на мальчика накатил звук. Топот. Громкий, гулкий, разносившийся эхом по коридорам. Рычание — грозное, ужасающее, нечеловеческое. Онскава закричал.

* * *

За окном ночное ненастье разбушевало с невиданной силой. Гром гремел так, что стены дома сотрясались, словно под ударами невидимого молота. Молнии — ослепительно белые, яростные — разрывали небо на части, освещая лес призрачным, мертвенным светом. Казалось, будто где-то там, в вышине, разворачивается великое сражение — битва меж силами, что превосходят понимание смертных.

Мальчик вскочил с постели, сердце бешено колотилось. Он подбежал к окну и прильнул к стеклу, всматриваясь в бушующую тьму. И тут он увидел их. Вспышки. Светло-голубые, яркие, словно осколки неба. Они мелькали в глубине леса — раз, другой, третий — словно кто-то там, меж деревьев, творил магию.

Онскава замер, прижав ладонь к холодному стеклу. Он знал этот свет. Это была магия его матери. Не раздумывая, мальчик схватил фонарь, распахнул дверь и выбежал наружу.

Бирюзовое пламя огня Анабу всё ещё горело перед порогом, но Онскава не обратил на него внимания. Он бежал — сквозь дождь, сквозь ветер, сквозь грязь — туда, где мелькал голубой свет. В лес.

Войдя в чащу, мальчик почувствовал, как атмосфера изменилась. Здесь было тише. Дождь почти не пробивался сквозь густые кроны, но зато туман стал ещё плотнее, почти осязаемым. Онскава поднял фонарь и двинулся вперёд, следуя за вспышками.

Его беспокойство усиливалось с каждым шагом. Свет голубой лазури — свет магии матери — вспыхивал всё чаще, всё ярче. Но в нём теперь чувствовалась не сила, а отчаяние. Словно кто-то бился из последних сил.

— Мама, — прошептал Онскава, ускоряя шаг. — Пожалуйста, будь в порядке...

Вдруг впереди, сквозь деревья, мелькнуло что-то иное — не голубое, а фиолетовое. Тёмное, зловещее, пульсирующее, словно живое сердце тьмы.

Мальчик вырвался на поляну. Перед ним, в самом центре, стоял старый заброшенный колодец — тот самый, о котором ходит множество мифов и легенд, из глубины которого вырывалось пламя фиолетового света — густое, холодное, пропитанное злобой.

А рядом с колодцем, на земле, лежала его мать.

— Мама! Мама, нет! — закричал Онскава и бросился к ней.

Он упал на колени рядом, схватил её за плечи, тряс, пытаясь заставить открыть глаза.

— Мама, пожалуйста! Проснись! Пожалуйста!

Её веки дрогнули. Она медленно открыла глаза — бледно-голубые, затуманенные болью. Лицо её было в крови и грязи. Плащ изодран. Дыхание — прерывистое, хриплое.

— Сынок... — прошептала она, и голос её был почти неслышен. — Ты в опасности... Зачем ты оставил дом?... Зло здесь... Беги!

— Почему?! — расплакался Онскава, прижимая её руку к своей щеке. — Я пришёл спасти тебя, мама! Что здесь произошло?! Кто тебя ранил?!

Мать с трудом приподняла голову, глядя на него с невыразимой печалью.

— Ты... ты призван, Онскава, — прохрипела она. — Великое Зло... то, что спит на дне колодца... оно призвало тебя. Это был не сон. Это была ловушка. Оно хочет затащить тебя в свой Подземный Замок. Оно убьёт тебя!

Она схватила его за руку, сжала с неожиданной силой.

— Убегай! Сейчас же! Я защищу тебя! Я задержу его! Убегай, пока можешь!

— Нет! — закричал мальчик. — Я не оставлю тебя! Не оставлю!

Но тут из глубины леса, из пучины листвы и тумана, донёсся звук.

Топот. Тяжёлый, мерный, словно шаги великана. И рычание. Звонкое, гулкое, полное ярости. Онскава медленно обернулся. И замер.

Из тьмы, меж деревьев, вышла фигура. Высокая — почти в полтора человеческих роста. Облачённая в гигантский чёрный плащ. Под плащом виднелось скелетообразное тело — кости, покрытые серой, мёртвой кожей, сухожилия, что натягивались при каждом движении. Лицо было худым, бледным, почти прозрачным. Скулы острые, словно вырезанные из камня. Рот — узкая щель, из которой доносилось хрипкое дыхание. Но страшнее всего были глаза. Они горели фиолетовым пламенем — ярким, холодным, безжалостным. Они смотрели прямо на Онскаву. Сквозь него. Словно видели не мальчика, но его душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.